

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 152-161. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.152
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

About the History of the "Rebellion on the Don" in 1862–1863: the Correspondence of the Don Ataman M.G. Khomutov with his Chief of Staff

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the last major rebellion of the Don Cossacks in pre-revolutionary period in 1862-1863. Few historians who investigated this plot believed that the confrontation of the Don ataman M.G. Khomutov and his chief of staff A.M. Dondukov-Korsakov was the most important prerequisite for this rebellion. But the letters of the don ataman to his chief of staff, stored in the Russian state historical archive, paint a completely different picture. It follows from them that in 1862 M.G. Khomutov was poorly oriented in the current situation and was friendly to A.M. Dondukov-Korsakov. Ataman knew about the discontent in the stanitsas, but did not connect him with the anti-government propaganda of his chief of staff. On the contrary, he hoped that A. M. Dondukov-Korsakov would be able to calm the worried Cossacks thanks to his authority. Only a few months after leaving office, ataman changed his mind under the influence of the Minister of War D. A. Milyutin. These facts indicate the need for a more detailed study of the topic, and the inaccuracy adopted in the historiography of the interpretation of events.

Keywords: the reaction of the Cossacks to the reforms of 1860, the Don Cossacks, M.G. Khomutov, A.M. Dondukov-Korsakov, D.A. Milyutin.

1. Введение

В 1900 г. пожилой донской краевед А.А. Карасев опубликовал небольшую статью мемуарного характера, несколько провокационно названную «Бунт на Дону в 1862–1863 годах» (Карасев, 1900). Как ни странно, и поныне этот небольшой текст остается едва ли не единственным, специально посвященным последним заметным волнениям донских казаков в дореволюционный период. Между тем масштаб этих волнений представлялся современникам достаточно значительным: в 1863 г. военный министр Д.А. Милютин даже позволил себе следующее высказывание: «Не посылать же войска для усмирения казаков, особливо в то время, когда от них требуется присылка полков для усмирения царства Польского и наших западных губерний» (Volvenko, 2015a: 32). Однако в дальнейшем об этом «бунте» постарались забыть и правительство, и его противники. Официальная дореволюционная историография отрицала серьезное недовольство донских казаков в начале 1860 гг., не укладывающееся в их восприятие как верных слуг отечества и престола. Вот что писал на этот счет другой современник этих событий, С.Ф. Номикосов, в своей авторитетной книге «Статистическое описание области Войска Донского», вышедшей по распоряжению донского атамана Н.И. Святополк-Мирского: «Если и существовало некоторое брожение умов, то оно заметно было только в Новочеркасске; станицы же пребывали в полнейшем спокойствии» (Номикосов, 1884: 48-49). С другой стороны, и для авторов либерального толка эти волнения, закончившиеся компромиссом и примирением казаков с правительством, не представляли особенного политического интереса. Так, С.Г. Сватиков только констатировал «боязнь Дона, что его превратят в губернию»

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

в начале 1860 гг., не останавливаясь более подробно на связанных с этим событиях (Сватиков, 1924: 347). Поэтому не удивительно, что со временем этот сюжет оказался почти забыт, и в XXI в. серьезное внимание ему уделялось только в статье А.А. Волвенко «Казакманство. Донской случай (1860 гг.)» (Volvenko, 2015a).

Почти все авторы, касавшиеся истории «бунта на Дону», считали ключевой его предпосылкой сложные отношения М.Г. Хомутова, бывшего донским атаманом до 1862 г., и его начальника штаба князя А.М. Дондукова-Корсакова. Это были люди совершенно разных поколений и типажей. Все тот же А.А. Карасев писал о М.Г. Хомутове следующее: «Человек высокого практического ума, неустанной энергии, проявлявшейся как для «высших соображений», так равно и для мелочей. Это был маленький «Петр Великий» для донской земли. <...>. Самые злейшие враги, которых у Хомутова было достаточно, не могли отказать ему в такой точно аттестации, с прибавлением, разумеется, указания на его недостатки, которых этот генерал не был лишен, так как был тоже человек, а к тому же не получивший не только серьезного, но, кроме домашнего, почти никакого образования (ибо даже русскую грамоту не знал, как следует)» (Карасев, 1899: 107). Подобная характеристика особенно ценна потому, что А.А. Карасев в свое время был сторонником А.М. Дондукова-Корсакова, как и большая часть донской интеллигенции. Потеря М.Г. Хомутовым популярности на Дону в начале 1860 гг. не должна удивлять: родившийся еще в XVIII в., этот малообразованный практический деятель к началу эпохи Великих Реформ не мог не казаться устаревшим.

А прибывший на Дон в 1859 г. А.М. Дондуков-Корсаков был «умным, всегда и для всех доступным, красивым, молодым (39 лет), простым, деликатным и разговорчивым» (Карасев, 1900: 168). С.Г. Сватиков особенно обращал внимание на то, что, в отличие от атамана, молодой генерал интересовался историей Дона (Сватиков, 1924: 346). И действительно, в фонде князя в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) хранятся его собственноручные «Сведения о земле донских казаков» и «Исторические заметки о Войске Донском», оригиналы которых написаны на французском языке (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 116). Хотя эти тексты не содержат каких-то принципиально новых сведений о прошлом Дона, сами попытки А.М. Дондукова-Корсакова писать труды по донской истории показательны. В то же время многие историки отмечали склонность князя к интригам, проявленную в ходе его дальнейшей карьеры, а П.Н. Милуков полагал даже, что в бытность российским комиссаром в Болгарии в 1879–1880 гг. он пытался обеспечить себе болгарский престол (Volvenko, 2015a: 32–33). Сослуживец А.М. Дондукова-Корсакова П.Д. Зотов давал ему следующую характеристику: «Дондуков как начальник – великолепная личность, его всегда подчиненные любили, но горе тому, кто поставлен с Дондуковым в служебные отношения, даже равноправные: ложь, клевета, интриги – все будет пущено в ход, чтобы, что называется, подставить ножку...» (Volvenko, 2015a: 23).

М.Г. Хомутова и А.М. Дондукова-Корсакова разделяли не только личные особенности, но и взгляды на будущее Дона. В начале 1860 г., с назначением Д.А. Милютина военным министром, Военное министерство взяло курс на радикальные реформы казачества, суть которых сам министр сформулировал следующим образом: «Приступить к целому ряду мер и преобразований по всем частям гражданского устройства с тою целью, чтобы применить по возможности к казачьим областям предпринимаемые общие государственные реформы; устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения» (Милютин, 1999: 262–263). А.М. Дондуков-Корсаков немедленно выступил против такой политики, даже составив острокритическую по отношению к ней «Записку о Войске Донском» (Карасев, 1896: 569–591). М.Г. Хомутов, как видно из приведенных нами ниже писем, напротив, эту политику поддержал.

Исходя из всего вышеизложенного, занимавшиеся «бунтом на Дону» историки характеризовали отношения между донским атаманом и его начальником штаба как скрытую вражду. Еще А.А. Карасев писал, что именно интриги М.Г. Хомутова, имевшего «старые счёты с князем», в 1862 г. привели к тому, что действия А.М. Дондукова-Корсакова по защите исторических прав казачества стали воспринимать в Санкт-Петербурге «как интригу против министерства, как угрозу правительству бунтом» (Карасев, 1900: 170). А А.А. Волвенко в упомянутой выше статье, хотя и рассматривает интересующие нас события 1862–1863 гг. на Дону в самых разных интерпретациях, но в итоге делает все тот же вывод, что между М.Г. Хомутовым и А.М. Дондуковым-Корсаковым имела место вражда, и именно донской атаман распускал в Санкт-Петербурге слухи против князя, преувеличивая возможность реального бунта казаков (Volvenko, 2015a: 32). При этом А.А. Волвенко приводит версии событий и в изложении самого А.М. Дондукова-Корсакова, и Д.А. Милютина, и А.А. Карасева, сторонника князя, и его противников В.А. Панаева и С.С. Робуша (Volvenko, 2015a: 28–32), но не дает той интерпретации событий, которая содержится в личных документах самого М.Г. Хомутова. Между тем она, на наш взгляд, крайне важна и интересна. Как же выглядели «бунт на Дону» и отношения с одиозным начальником штаба в документах, написанных самим атаманом? Ответ на этот вопрос мы и попытаемся дать в своей статье.

2. Материалы и методы

Важнейшим источником данного исследования стала переписка М.Г. Хомутова с его начальником штаба, хранящаяся в фонде А.М. Дондукова-Корсакова в РГИА (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117). Большая часть писем атамана, в полном соответствии с тем его образом, который обрисовал А.А. Карасев, лаконична и касается конкретных мер по управлению донским краем (например, постройки водопровода или повышения офицеров (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 1, 20). Тем интереснее несколько писем конца лета–начала осени 1862 г., в которых М.Г. Хомутов сильно вышел за пределы обычных тем, обращаясь к своему подчиненному с личными советами и общей оценкой сложившейся на территории Земли Войска Донского ситуации. Трудно не связать подобную откровенность с тем, что именно на это время пришелся один из пиков «бунта на Дону».

Кроме того, мы будем обращаться к воспоминаниям В.А. Панаева, другого корреспондента М.Г. Хомутова, в которых приводится ряд писем старого генерала, написанного в тот же период (Панаев, 1902: 539-547). Хотя они в основном посвящены проблемам, не связанным с тематикой нашей статьи, однако для нас представляет интерес тон этих писем, а также немногочисленные упоминания М.Г. Хомутова о некоем «ядовитом языке», волновавшем Дон.

В исследовании использован преимущественно историко-описательный метод, поскольку письма М.Г. Хомутова А.М. Дондукову-Корсакову до сих пор не вовлекались в научный оборот. Соответственно, как нам представляется, на настоящем этапе развития историографии важнее всего познакомить историков с содержанием этих писем (два из них мы приводим в своей статье полностью, а третье – частично). Кроме того, нами применяется историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставить интерпретации событий М.Г. Хомутовым и другими авторами. Также нами используется историко-биографический метод, дающий возможность рассматривать документы в связи с судьбами и мнениями людей, их написавших.

3. Обсуждение

В июле 1862 г. М.Г. Хомутов отбыл из Новочеркасска ко двору, и многие были уверены, что назад старый генерал уже не вернется. Его вероятным преемником рассматривался А.М. Дондуков-Корсаков, оставшийся исполнять обязанности донского атамана (Карасев, 1900: 169). К этому времени донское казачество уже начинало волноваться, откуда-то узнав о возможных радикальных преобразованиях Войска Донского. Симпатизирующий князю А.А. Карасев связывал эти волнения с прибытием на Дон проекта правительственных реформ, впрочем, уточняя, что он не помнит, когда именно был получен этот проект, но может уверенно сказать: «В начале 1862 года в Новочеркасске уже громко трактовали об ожидаемом нарушении казачьих привилегий» (Карасев, 1900: 169). Сторонник М.Г. Хомутова и противник А.М. Дондукова-Корсакова, В.А. Панаев обвинял самого начальника войскового штаба в попытке возмутить простых казаков, утверждая, что он намеренно распространял свою «Записку о Войске Донском» «между простым казачеством», что породило в его среде слухи о возможном обращении казаков в государственных крестьян (Панаев, 1903: 149). В любом случае летом 1862 г. казачество волновалось все сильнее и сильнее, о чем исполняющий обязанности атамана и счел нужным донести М.Г. Хомутову вскоре после его отъезда. Работавший с письмами князя А.А. Волвенко приводит из них соответствующие цитаты: А.М. Дондуков-Корсаков, например, писал тогда, что казачество желает «довести каким-либо законным и ускоренным путем до сведения правительства свои пожелания» (Volvenko, 2015a: 28-29). Одновременно с этим, пользуясь своим статусом временного правителя донского края, князь отправил в Военное министерство ответ на спущенный сверху проект реформ. В оценке этого ответа А.А. Волвенко и А.А. Карасев расходятся: по мнению современного историка, новый текст А.М. Дондукова-Корсакова носил компромиссный характер, и от многих тезисов «Записки о Войске Донском» он отказался (Volvenko, 2015a: 28), современник же событий считал более значимым то, что и в этом тексте содержалось предупреждение об опасности реализации правительственного проекта, поскольку «уже получаются тревожные известия из станиц» (Карасев, 1900: 169-170). Независимо от того, кто прав в этой дискуссии, можно констатировать, что исполняющий обязанности донского атамана не собирался полностью отказываться от прежних оппозиционных идей.

И 24 августа 1862 г. М.Г. Хомутов ответил своему подчиненному из Москвы. Так как его письмо очень невелико по объему, мы приведем его полностью.

«Ваше сиятельство, князь Александр Михайлович. Доходят до меня слухи, что в Новочеркасске и по станицам тревожатся по поводу присланных соображений. Все эти предположения присланы на наше усмотрение, следовательно, от нас зависит выбрать, что нам хорошо и удобно и сейчас же о том ходатайствовать; остальное все оставить только на бумаге, можете всех уверить, что *особенно коренных изменений не будет* (курсив наш – Авт.), а только будут улучшения, которые мы сами укажем, даже и все предложения комитета о рассмотрении положения будут строго рассмотрены и утверждаться только при полном убеждении, что они полезны, и если в общем мнении высказать справедливых замечаний и указаний, то они верно не будут отражены.

Все главное наше начальство, примите только область войска, и потому мы можем быть покойны и уверены, что все будет к лучшему; самое замечательное, мы видим, что наш Министр без нашего мнения ни к чему не приступит.

Итак, нам остается молить Бога за Царя, который войско отмечает и любит.

Мих. Хомутов. 24 августа 1862 г. Москва» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 12-13).

Насколько можно доверять содержанию этого письма? С нашей точки зрения, старый атаман мог где-то и лукавить, однако, учитывая, что он фактически уже покинул свою должность, считать все письмо попыткой усыпить бдительность А.М. Дондукова-Корсакова, одновременно клеветца на него, означает приписать М.Г. Хомутову поистине дьявольское коварство. Интересно, что А.А. Карасев, отмечая противоречия между двумя государственными деятелями, в то же время признает, что «невоздержанный на язык, особенно в минуту душевных волнений», молодой генерал часто осаживал критиков своего начальника и его жены словами: «Когда мы с вами, господа, доживем до их лет, то, поверьте, в десять раз будем хуже их» (Карасев, 1900: 171, 168). Сам М.Г. Хомутов, как мы увидим ниже, продолжал переписку со своим идейным противником и после ухода с должности атамана, причем в весьма доверительном ключе. Поэтому, как нам кажется, в действительности антагонистами до осени 1862 г. могли быть не столько сами генералы, сколько их окружение, люди вроде А.А. Карасева и В.А. Панарина (последний, например, имел с А.М. Дондуковым-Корсаковым столкновения по службе и пытался противостоять ему, пользуясь хорошими отношениями с М.Г. Хомутовым (Панаев, 1902: 532). Мы исходим из того, что письма старого атамана в основном отражают его действительные мысли, хотя местами он и пытается лестию и уговорами воздействовать на строптивого начальника штаба.

При такой трактовке письмо от 24 августа 1862 г. выделяется сразу несколькими интересными деталями. Прежде всего обращает на себя внимание его общий благодушный тон и уверенность М.Г. Хомутова в том, что «особенно коренных изменений не будет». Как ни странно, еще недавно, до назначения Д.А. Милютина военным министром и подготовки им программы реформ в казачьих войсках, схожего мнения придерживались многие. Тут нужно отметить, что первым инициатором пересмотра законодательства о казачьих войсках в эпоху Великих Реформ был... как раз М.Г. Хомутов, подавший 31 августа 1856 г., задолго до рассматриваемых событий, рапорт в Военное министерство о необходимости переработки «Положения об управлении Донским войском» от 1835 г., с корректировкой первоначального текста в соответствии с произошедшими изменениями в законодательстве (Волвенко, 2006: 20). Рапорт был удовлетворен, был создан кодификационный комитет (его также иногда именовали комиссией), однако еще в 1861 г. современники отзывались о новосозданном органе следующим образом: «Назначение комиссии для пересмотра положения было встречено точно так же, как и всякое новое присутственное место, – довольно апатически»; «Никто, решительно никто не думает, чтоб комиссия имела в глазах правительства серьезное значение» (Волвенко, 2006: 21). И М.Г. Хомутов просто не уловил резкой перемены ситуации в начале 1862 г. и продолжал пребывать в уверенности, что серьезных реформ казачества не будет, «а только будут улучшения, которые мы сами укажем».

Означало ли это, что к тому времени атаман в принципе неадекватно воспринимал быстро меняющуюся политическую ситуацию? Скорее всего, да. О потере М.Г. Хомутовым связи с реальностью в начале 1862 г. говорит и то, что он решил обсудить со своим начальником штаба недовольство в станицах только в конце августа, хотя, по свидетельствам А.А. Карасева и В.А. Панаева, это недовольство проявилось уже в первые месяцы года. Более того, старый генерал узнал о недовольстве не из надежных источников, а по слухам. В целом складывается впечатление, что М.Г. Хомутов к этому времени частично устранился от дел и уже не слишком тщательно следил за происходящим вокруг. Почему это произошло? А.А. Карасев описывает несколько попыток старого атамана показать, что он остается первым лицом в донском регионе, предпринятых в предыдущие годы, и провалы этих попыток. Так, когда в 1860 г. М.Г. Хомутов попытался ограничить влияние своего молодого соперника, не дав ему заменить себя во время отъезда, Военное министерство заняло сторону князя (Карасев, 1900: 168). В 1861 г. А.М. Дондуков-Корсаков получил звание генерал-адъютанта, после чего «всем стало до очевидности ясно, что дни Михаила Григорьевича (Хомутова – Авт.) сочтены и что в скором времени атаманскую насеку возьмет в руки князь Дондуков-Корсаков» (Карасев, 1900: 168). Нам представляется, что в таких условиях опытный генерал должен был понять, что симпатии высших властей на стороне его оппонента и нет смысла продолжать бороться с ним. Поэтому кажется вполне вероятным, что к началу 1862 г. М.Г. Хомутов уже де-факто передавал власть над войском своему начальнику штаба, считая новые столкновения с А.М. Дондуковым-Корсаковым бесперспективными и бессмысленными. Это, конечно, не означает, что старый генерал полностью утратил влияние на текущие дела, однако он вполне мог избегать конфликтов с более влиятельным молодым сослуживцем и намеренно не вмешиваться в те сферы, которыми занимался победивший его в борьбе за власть начальник штаба, включая и анализ долгосрочных реформ.

В пользу подобной трактовки свидетельствует еще одна особенность письма. М.Г. Хомутов постоянно использовал в нем форму «мы» («от нас зависит выбрать, что нам хорошо и удобно»; «наш Министр без нашего мнения ни к чему не приступит»), а также выражал пожелание, чтобы его

корреспондент «принял только область войска». Опять-таки, если не рассматривать варианта с дьявольским коварством и попыткой усыпить бдительность А.М. Дондукова-Корсакова, выходит, что М.Г. Хомутов, желая сохранить хорошие отношения со своим вероятным преемником, подчеркивал их связь как администраторов и выражал надежду, что князь не откажется от атаманства.

Если принять подобную трактовку письма, то станет ясно, почему М.Г. Хомутов не препятствовал неоднозначной деятельности А.М. Дондукова-Корсакова по поддержке оппозиционных настроений в казачьей среде, не донес начальству о недовольстве в станицах, о котором не знал и сам, и вообще фактически самоустранился от развития событий на начальном этапе «бунта на Дону». Возможно, если бы М.Г. Хомутов более активно выступил в это время против стремительно теряющего поддержку в Санкт-Петербурге князя, то никакого «бунта» не произошло бы, А.М. Дондуков-Корсаков был бы удален из Новочеркасска на год раньше, а старый атаман сохранил бы власть (его преемник, П.Х. Граббе, был даже старше годами).

Но только последовавшие события показали М.Г. Хомутову его неправоту в оценке ситуации. 30 августа он был снят с должности атамана и назначен членом Государственного совета, однако, вместо того чтобы поставить на его место начальника штаба, преемника генералу искали еще почти две недели (Volvenko, 2015a: 29). Все это время недовольство на Дону только разгоралось, о чем своему уже бывшему начальнику продолжал писать в доверительных письмах А.М. Дондуков-Корсаков. Князь жаловался, что пыгается успокоить брожение между казаками, но с переменным успехом. Он признавал, что участвовал в обсуждении правительственной политики, однако, якобы не разжигая страсти, но, напротив, пытаясь успокоить казаков такими, например, словами: «Пусть доверие Ваше к Государю послужит Вам лучшим ручательством, что правительство имеет в виду одно благо Ваше» (Volvenko, 2015a: 28). И 11 сентября уже отставной атаман написал своему бывшему подчиненному письмо, выдержанное уже в совершенно ином тоне, чем предыдущее. Мы приведем его с незначительными сокращениями.

«Ваше сиятельство, князь Александр Михайлович. Получил Ваше письмо от 31 августа. Благодарю Вас за Ваши сведения, воображая о всех полках и рассуждениях в Черкасске и во всем войске, что весьма натурально; *предстоит огромный переворот* (курсив наш – Авт.), который не был бы чувствителен, если бы Вас, как уже подготовленного и знающего хорошо все дела, оставили на месте; но здесь еще ни на что не решаются. Ваш батюшка, которого я видел в Новгороде, Вам, верно, обо всем писал, дай Бог, чтобы все уладилось на счастье войска. Вами многие есть весьма довольны и многие недовольны, но мы оба можем быть спокойны, оба стремились к добру войска и вели все дела рука об руку, дружно и любовно, мы служили верою и правдою, Бог видит наши действия, а людям предоставим судить, как кому угодно, сознаю только, что Вы были самым лучшим моим помощником, благодарить Вас не смею, благодарность в Вашей совести, уверен, что Вы, как рыцарь службы, поведете все дела войска, как христианин и как верный слуга Царя и Отечества.

Мое место предлагали Виктору Васильевичу Васильчикову, но он отказался, теперь еще ходят в недоразумении.

<...>.

Мих. Хомутов. 11 сентября 1862 г» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 19-20 об.).

В этом письме также хотелось бы акцентировать внимание на нескольких моментах. Как уже было отмечено выше, кардинально изменился тон – от прежнего благодушия ничего не осталось, скорее, его можно назвать взволнованным. Кажется, только теперь М.Г. Хомутов осознал, что происходит, хотя с написания его прошлого письма не прошло и месяца, теперь он признавал, что предстоящие реформы не просто принесут донскому казачеству «коренные изменения», но произойдет «огромный переворот». Исчезли и утверждения о том, что реформы эти повлекут за собой только хорошее и донским казакам не о чем волноваться. Напротив, хотя он и надеялся на то, что переворот удастся провести незаметно, надежды эти были связаны с личностью самого А.М. Дондукова-Корсакова, который мог бы, пользуясь своим знанием Дона, сделать этот переворот «нечувствительным». Учитывая дальнейший текст, с явной попыткой убедить «лучшего помощника», чтобы он действовал, как «верный слуга Царя и Отечества», письмо М.Г. Хомутова можно трактовать как совет несостоявшемуся преемнику отказаться от попыток фрондерства и максимально использовать свой авторитет для успокоения Дона.

Любопытно и заявление М.Г. Хомутова о том, что «здесь еще ни на что не решаются». Очевидно, что отношения А.М. Дондукова-Корсакова с Д.А. Милютиным испортились уже давно, вероятно, после критики князем политики министра в его «Записке о Войске Донском». Однако у начальника штаба Донского войска были и влиятельные покровители. В частности, его близким другом был А.Е. Тимашев, бывший управляющий Третьим отделением и будущий министр внутренних дел (Volvenko, 2015a: 22-23). В 1870 гг. конфликты этого чиновника с Д.А. Милютиным будут носить регулярный характер (Peretyatko, 2016: 450). При этом нужно понимать, что, хотя формально Земля Войска Донского подчинялась военному министру, фактически высшие чины донской администрации назначались не только по его воле: в частности, управлявший Доном в конце 1860 гг. А.П. Потапов был ставленником другого противника Д.А. Милютина, шефа жандармов В.А. Долгорукова (Volvenko, 2017: 113-114). И то, что А.М. Дондуковым-Корсаковым в начале осени

1862 г. «многие были весьма довольны и многие недовольны» нужно понимать именно в этом контексте. Хотя к этому моменту было принято решение не делать его атаманом, однако было не ясно, будет ли он удален с Дона или сохранит пост начальника штаба Войска Донского. И в этих условиях отказ от фронды и успокоение донских казаков до прибытия нового атамана действительно могли существенно упрочить позиции князя.

Разумеется, М.Г. Хомутов преследовал данным письмом и свои цели, но мы бы не назвали их эгоистичными. Незадолго до этого, 6 сентября, он написал письмо на Дон другому корреспонденту, упомянутому выше инженеру В.А. Панаеву, человеку, не принадлежащему к его ближайшему кругу из-за «огромной разницы лет и положений» (Панаев, 1902: 540). Приведем характерный отрывок из этого письма: «Я в такой борьбе чувств, благодарности и огорчения, что никак не могу прийти в себя. На Дону я так свыкся с людьми, делами и местами и даже воздухом – и вдруг одна высокая царская милость, за которую не нахожу слов благодарности, прервала всю нить моей жизни, которую старался посвятить на счастье вверенного мне края. <...>. Не беру на себя вас благодарить за все вами сделанное. Эта благодарность будет свыше; но считаю себя счастливым, что нашел в вас друга по душе, на которого во всем и всегда могу положиться» (Панаев, 1902: 540). Судя по всему, после выхода на почетную пенсию, которой, по сути, было членство в Государственном совете, старый генерал отправлял письма схожего содержания всем симпатичным ему сослуживцам по Дону, благодаря их за службу и давая определенные советы. Вероятно, М.Г. Хомутов надеялся на сохранение этих связей и то, что они помогут ему немного принимать участие в жизни ставшего ему почти родным края. При этом, если в комплиментах бывшего атамана А.М. Дондукову-Корсакову и можно было заподозрить лесть, то мотивов для лести простому инженеру В.А. Панаеву у влиятельного чиновника не было. Поэтому мы полагаем, что М.Г. Хомутов писал все эти комплименты от души, может быть, немного преувеличивая, чтобы сделать приятно своим корреспондентам.

Действительно, молодой и талантливый А.М. Дондуков-Корсаков, на 11 сентября 1862 г. все еще управлявший донским краем в ранге исполняющего обязанности атамана, при том, что атамана так и не было назначено, мог рассматриваться М.Г. Хомутовым как настоящий преемник, человек, который будет продолжать его дело в беспокойном регионе и сумеет, с учетом своего опыта и авторитета, направить активность простых казаков и Военного министерства в нужном для края русле. Несмотря на имевшие место в прошлом конфликты, как мы показали выше, к 1862 г. старый атаман смирился с утратой влияния и постарался построить если не хорошие, то хотя бы удовлетворительные отношения со своим начальником штаба. И после ухода на почетную пенсию, получив очередающее доверительное письмо о ситуации на Дону от А.М. Дондукова-Корсакова, М.Г. Хомутов, очевидно, верил, что их конфликты остались в прошлом, князь, вопреки собственным убеждениям, пытается успокоить эту ситуацию и, несмотря на определенную склонность к интригам, он осознал свои ошибки и в будущем направит свой талант на благо Российской империи и донского казачества (тем более, что ошибки эти на тот момент сводились в глазах старого генерала к написанию «Записки о Войске Донском», а это никак нельзя было назвать серьезным преступлением).

Однако надеждам М.Г. Хомутова не суждено было сбыться. Следующее из интересующих нас писем было написано 2 октября и в очередной раз демонстрировало резкую смену тона.

«Ваше сиятельство, князь Александр Михайлович. Вы знаете, как я войско уважаю и как к нему привязан душою; всегда ему желал и буду желать добра и благоденствия до последней минуты моей жизни; и потому не могу без душевной скорби слышать, что все наши умы встревожены программой Министра, которая касается не одного Войска Донского и относится ко всем казачьим войскам, стоит только прочесть письмо Министра на мое имя, при котором приложена программа, и всякий убедится, что правительство предполагает расширить свободу казачьих войск, сохранив их состав как один из верных оплотов Государства. Правительство ни к чему не принуждает, а дало полную свободу каждому войску из всех одних только предположений выбрать по своему составу, по своему быту и по своей местности только то, что служит благосостоянию края, а наш благородный Министр, могу Вас уверить, и не думает приступать к каким-нибудь переменам. Обо всех обдуманых предположениях самим войском, которые верно будут сообразны узаконениям, не откажет ходатайствовать у Его Императорского Величества, в доказательство сего все предложения Комитета (речь идет о Донском кодификационном комитете – Авт.), которые я сюда привез, уже в ходу: уменьшение срока службы, об увеличении торгового общества с распространением прав, об учреждении ремесленного класса. Разве это не относится к усилению гражданского быта казаков и не совпадает с программой?»

Не знаю, можно ли дать более свободы? Комитету предоставлено выбирать из программы то, что найдет хорошим, Комитету представлено приглашать к своему суждению опытных людей, знающих хорошо быт казачий, суждения Комитета не есть тайна, он гласный, этим вырабатываются общие мнения, которыми Комитет и должен руководствоваться; следовательно, все зависит от войска. Признаюсь Вам, не понимаю, отчего возникло брожение умов, отчего родилась мысль, что для войска готовятся новые вредные законоположения и что для Дона настало критическое время, грустный отголосок ни на чем не основан. Но я уверен, что благомыслящие Донцы заспокоятся, вникнув в

сущность дела, при мысли, что Царь высоко их ценит за верную и усердную службу Отечеству и Престолу, итак, да благословит и вразумит Господь Бог всех и каждого.

Примите уверения в совершеннейшем моем почтении и преданности.

Мих. Хомутов. 2 октября 1862 г. Санкт-Петербург» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 28-29 об.).

Легко заметить, что это третье, последнее, письмо одновременно и развивало послылы предыдущих, и кардинально отличалось от них. Как и в письме от 24 августа, М.Г. Хомутов доказывал, что возмущение казаков из-за предстоящих реформ ни на чем не основано; как и в письме от 11 сентября, он намекал А.М. Дондукову-Корсакову на бесперспективность фронды. Однако на сей раз бывший атаман позволил себе высказываться резко, почти агрессивно. Хотя он и не обвинял князя прямо в распространении провокационных слухов, старый генерал, судя по некоторым оборотам, давал ему понять, что в сложившейся на Дону ситуации есть и его вина («наш благородный Министр, *могу Вас уверить*, и не думает приступить к каким-нибудь переменам»; «да благословит и вразумит Господь Бог всех и каждого» (курсив наш – Авт.). Своеобразная доверительность, характерная для прежних писем М.Г. Хомутова А.М. Дондукову-Корсакову, тоже пропала: на сей раз опытный чиновник не делал комплиментов своему молодому коллеге и не советовал ему выступать с теми или иными заявлениями, но резко и почти обвинительно высказывал свою позицию («не могу без душевной скорби слышать, что все наши умы встревожены программой Министра»). Характерно, что вскоре после этого письма переписка между сослуживцами прекратилась (по крайней мере, в фонде А.М. Дондукова-Корсакова в РГИА нет писем М.Г. Хомутова за 1863 г.), зато в письмах бывшего атамана к В.А. Панаеву с 1863 г. начнут проскальзывать такие фразы: «Грустно слышать все, что у вас происходит: смешение языков, что наделал один ядовитый язык»; «Что сделалось с Черкасском, не понимаю, каких-нибудь десять пустых голов, руководимые одним потаенным влиянием, мутят все общество, и как не найдутся благоразумные люди (которые там есть), которые бы не остановили такое фальшивое и вредное направление» (Панаев, 1902: 545-546). Даже если под «ядовитым языком» М.Г. Хомутов и не имел в виду А.М. Дондукова-Корсакова, очевидно, что с точки зрения старого генерала князь, авторитетный в донском обществе и занимающий высокий пост, должен был решительно прекратить ропот в Новочеркасске и станицах, когда он достиг опасной точки и Военное министерство начало опасаться бунта казаков.

Приведенное письмо любопытно и с той точки зрения, что, проведя некоторое время в Санкт-Петербурге, в среде высшего чиновничества, М.Г. Хомутов снова перестал опасаться негативных последствий предстоящих реформ для Донского войска. Но если 24 августа он писал о незначительности этих реформ, то 2 октября генерал, уже признавая их важность, описывал ожидаемые от них благие результаты в полном соответствии с официальной риторикой Военного министерства. При помощи схожих оборотов чиновник Управления иррегулярных войск И.Д. Попко в своих журнальных публикациях (выходивших под псевдонимом «Есаул») подчеркивал, что предстоящие реформы разрабатываются на местах, что их основой будут предложения комиссий, составленных из самих казаков, и, следовательно, эти реформы нельзя рассматривать как навязанные сверху (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1 об.). В данном случае нас интересует даже не то, соответствовала ли такая риторика действительности (на самом деле, нет), результаты работ, например Донского кодификационного комитета, были отвергнуты на том основании, что они оказались «проникнуты духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве» (Милютин, 2005: 184-185), но то, что М.Г. Хомутов явно попал под влияние этой риторики и транслировал в своем письме официальную позицию «нашего благородного Министра». Можно полагать, что и в других вопросах он попал под влияние Д.А. Милютина, однозначно считавшего А.М. Дондукова-Корсакова виновником беспорядков на Дону и писавшего об этом в своих воспоминаниях следующим образом: «Начальник штаба вместо разъяснения настоящих целей нововведений, вместо содействия приведению их в исполнение, сам громче всех порицал получаемые из Петербурга распоряжения и возбуждал между казаками превратные толки о воображаемых намерениях правительства вести к уничтожению казачества» (Милютин, 1999: 376-377). Нам остается только задать вопрос, для ответа на который понадобятся новые архивные изыскания: не под влиянием ли военного министра в письмах М.Г. Хомутова в 1863 г. появляются упоминания о «ядовитом языке», возмущавшем Дон, а переписка старого генерала с А.М. Дондуковым-Корсаковым прекращается?

4. Заключение

Подведем итог вышеизложенному. Судя по всему, мемуаристы и историки сильно преувеличивали как степень вражды между М.Г. Хомутовым и А.М. Дондуковым-Корсаковым до октября 1862 г., так и значение конфликта между атаманом и начальником штаба Донского войска для истории «бунта на Дону». И этому есть вполне очевидное объяснение. Два мемуариста, описывавшие отношения этих государственных деятелей наиболее подробно, А.А. Карасев и В.А. Панаев, принадлежали к числу сторонников А.М. Дондукова-Корсакова и М.Г. Хомутова соответственно. Еще А.А. Волвенко отмечал, что позиция одного из них была далека от беспристрастности: А.А. Карасев явно пытался снять со своего покровителя обвинение в

антиправительственных интригах (Volvenko, 2015a: 31), поскольку именно они летом–осенью 1862 г. стали причиной итогового падения князя, и А.А. Карасеву было выгодно представить дело так, что на самом деле никаких интриг не было, а были происки М.Г. Хомутова, который, пользуясь личным присутствием в Санкт-Петербурге, оклеветал своего подчиненного. В.А. Панаев, напротив, обвинял А.М. Дондукова-Корсакова в подстрекательстве казаков к бунту, к которому, однако, он якобы смог открыто перейти только после отъезда М.Г. Хомутова. Однако и тут мемуаристу было выгодно защитить уважаемого им атамана от обвинений в пассивности по отношению к действиям А.М. Дондукова-Корсакова.

Письма самого М.Г. Хомутова рисуют перед нами совершенно иную картину. Судя по ним, к лету 1862 г. отношения атамана и начальника штаба стали если не теплыми, то вполне рабочими: так, уже после своего ухода на должность члена Государственного совета М.Г. Хомутов написал А.М. Дондукову-Корсакову самое комплементарное письмо и дважды призывал его «быть верным слугой Царя и Отечества» и «вразумиться», то есть прекратить фронт. Что еще важнее, о слухах на Дону, согласно которым правительство готовило для казачества уничтожающие его реформы, атаман узнал только в августе, а в полной мере оценил их масштаб и опасность, видимо, только в октябре, уже после ухода с должности. М.Г. Хомутов вообще проявлял редкостное непонимание ситуации, тем более странное, что в историю Дона он вошел как талантливый «практический деятель: все в том же августе старый генерал, несмотря на полученный им проект радикальных реформ казачьих войск, надеялся, что «особенно коренных изменений не будет». Все это заставляет предположить, что к этому времени М.Г. Хомутов если не отошел от дел де-факто, то по крайней мере, предполагая свою скорую отставку и зная о поддержке А.М. Дондукова-Корсакова в Санкт-Петербурге (причем поддержке за пределами Военного министерства), не пытался противодействовать инициативам князя и вникать в долгосрочные проекты. На наш взгляд, именно этим и объяснялся успех антиправительственных настроений на Дону к лету 1862 г.: атаман о них не знал, а его начальник штаба, если и не распространял антиправительственные слухи лично, то по крайней мере не препятствовал их распространению (в частности, публикация оппозиционных курсу Военного министерства статей стала обычным делом в «Донских войсковых ведомостях» (Volvenko, 2015b: 94-107).

Таким образом, если не считать письма М.Г. Хомутова дьявольской игрой, призванной обмануть А.М. Дондукова-Корсакова, то выходит, что и в августе, и в сентябре 1862 г. атаман верил своему подчиненному и считал, что причиной слухов в станицах были не действия князя, а «присланные сообщения». Более того, он одобрял и разговоры А.М. Дондукова-Корсакова с казаками о правительственном курсе («можете всех уверить, что особенно коренных изменений не будет»). Даже в письме от 11 сентября М.Г. Хомутов еще надеялся, что начальника штаба Войска Донского оставят в должности, поскольку это позволит сделать реформы менее чувствительными, благодаря его подготовке и знаниям.

О реальном противостоянии М.Г. Хомутова и А.М. Дондукова-Корсакова можно говорить только с октября 1862 г., когда бывший атаман послал князю действительно резкое письмо. Однако и его можно трактовать как последнюю попытку остановить пуск и провинившегося, но не совсем безнадежного человека, которого меньше месяца назад бывший атаман характеризовал как «лучшего своего помощника». Да и переписка между М.Г. Хомутовым и А.М. Дондуковым-Корсаковым продолжалась еще несколько месяцев, хотя служебными отношениями они больше не были связаны, а выпады против «ядовитого языка» появятся в письмах бывшего атамана В.А. Панаеву только в 1863 г. При этом о какой-то самостоятельной позиции М.Г. Хомутова не приходится говорить и в это время: он, очевидно попав под влияние настроенного против А.М. Дондукова-Корсакова Д.А. Милютина, только транслировал позицию «нашего благородного Министра», всячески подчеркивая благодетельность предстоящих реформ.

Таким образом, роль как лично М.Г. Хомутова, так и его противостояния с А.М. Дондуковым-Корсаковым в событиях «бунта на Дону» выглядит крайне незначительной. Старый атаман, очевидно, почти не сдерживал своего начальника штаба в его оппозиционной активности; с другой стороны, едва ли падение А.М. Дондукова-Корсакова имеет смысл связывать с интригами его бывшего начальника, который до октября 1862 г., когда это падение было уже предопределено, относился к нему относительно доброжелательно. Скорее наоборот, старого атамана есть смысл рассматривать как абсолютно пассивную фигуру, а «бунт на Дону» воспринимать как противостояние А.М. Дондукова-Корсакова и лично Д.А. Милютина. В этом противостоянии М.Г. Хомутов вообще изначально поддерживал своего начальника штаба, хотя и пытался повлиять на него, убедив принять правительственную политику («примите только область войска»; «Вы, как рыцарь службы, поведете все дела войска, как христианин и как верный слуга Царя и Отечества»). Только к 1863 г. он окончательно перешел на сторону Д.А. Милютина, о чем свидетельствуют материалы из фонда военного министра в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Volvenko, 2015a: 30). Однако к этому времени уже давно было принято окончательное решение о удалении А.М. Дондукова-Корсакова с Дона, а «бунт на Дону» вскоре фактически прекратился, оставшись без своего главного идеолога.

Литература

- Волвенко, 2006** – Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о Войске Донском // *Научная мысль Кавказа*. 2006. № 1. С. 20-24.
- Волвенко, 2017** – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Карасев, 1896** – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*. 1896. Кн. 12. С. 569-591.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*. 1899. Кн. 2. С. 106-116.
- Карасев, 1900** – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // *Исторический вестник*. 1900. № 80. С. 167-174.
- Милютин, 1999** – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. 559 с.
- Милютин, 2005** – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. 696 с.
- Номикосов, 1884** – Номикосов С.Ф. Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- Панаев, 1902** – Панаев В.А. Воспоминания В.А. Панаева // *Русская старина*. 1902. Т. 112. С. 521-547.
- Панаев, 1903** – Панаев В.А. Воспоминания В.А. Панаева // *Русская старина*. 1903. Т. 113. С. 149-164.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сватиков, 1924** – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924. 592 с.
- Peretyatko, 2016** – Peretyatko A.Y. Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. Pp. 448-456.
- Volvenko, 2015a** – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 13. Is. 1. Pp. 19-37.
- Volvenko, 2015b** – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

References

- GAPO** – State archive of the Rostov region (GAPO).
- Karasev, 1896** – Karasev A.A. (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. Pp. 569-591. [in Russian]
- Karasev, 1899** – Karasev A.A. (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. Vol. 5. Pp. 106-116. [in Russian]
- Karasev, 1900** – Karasev A.A. (1900). Bunt na Donu v 1862–1863 godakh [Riot on the Don in the 1862-1863]. *Istoricheskii vestnik*. №. 80. Pp. 167-174. [in Russian]
- Miljutin, 1999** – Miljutin D.A. (1999). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860-1862]. М. P. 559. [in Russian]
- Miljutin, 2005** – Miljutin D.A. (2005). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865-1867]. М. P. 696. [in Russian]
- Nomikosov, 1884** – Nomikosov S.F. (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]
- Panaev, 1902** – Panaev V.A. (1902). Vospominaniya V.A. Panaeva [Memories of V.A. Panayev]. *Russkaya starina*. Vol. 112. Pp. 521-547. [in Russian]
- Panaev, 1903** – Panaev V.A. (1903). Vospominaniya V.A. Panaeva [Memories of V.A. Panayev]. *Russkaya starina*. Vol. 113. Pp. 149-164. [in Russian]
- Peretyatko, 2016** – Peretyatko A.Y. (2016). Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. Pp. 448-456.
- RGIA** – Russian state historical archive (RGIA).
- Svatikov, 1924** – Svatikov S.G. (1924). Rossiya i Don (1549–1917 gg.) [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade. P. 592. [in Russian]
- Volvenko, 2006** – Volvenko A.A. (2006). Nerealizovanniy proekt Polozheniya o voiske Donskom [Unrealized project of "Regulati Nerealizovanniy proekt Polozheniya o voiske Donskom ons of the Don Host"]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. №1. Pp. 20-24. [in Russian]
- Volvenko, 2015a** – Volvenko A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. Vol.13. Is. 1. Pp. 19-37.
- Volvenko, 2015b** – Volvenko A.A. (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. Vol. 14. Is. 2. Pp. 94-107.

Volvenko, 2017 – Volvenko A.A. (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]

К истории «бунта на Дону» в 1862–1863 гг.: переписка донского атамана М.Г. Хомутова с его начальником штаба

Артем Юрьевич Перетяцько ^{a, b, *}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена последнему крупному возмущению донского казачества в дореволюционный период, в 1862–1863 гг. Немногочисленные историки, обращавшиеся к этому сюжету, считали его важнейшей предпосылкой противостояния М.Г. Хомутова и А.М. Дондукова-Корсакова. Однако письма донского атамана к своему начальнику штаба, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, рисуют совершенно иную картину. Из них следует, что к 1862 г. М.Г. Хомутов плохо ориентировался в сложившейся ситуации и доброжелательно относился к А.М. Дондукову-Корсакову. Атаман знал о недовольстве в станицах, но не связывал его с антиправительственной пропагандой своего начальника штаба. Напротив, он надеялся, что тот, благодаря своему авторитету, сумеет успокоить волнуемое казачество. Только через несколько месяцев после ухода с должности, под влиянием военного министра Д.А. Милютина, атаман изменил свое мнение. Эти факты свидетельствуют о необходимости более подробного исследования данной темы и о несоответствии действительности принятой в историографии трактовки событий, основанной на воспоминаниях близкого к А.М. Дондукову-Корсакову А.А. Карасева.

Ключевые слова: реакция казаков на реформы 1860 гг., донское казачество, М.Г. Хомутов, А.М. Дондуков-Корсаков, Д.А. Милютин.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяцько)